

РУМУНСЬКА ІНТЕРВЕНЦІЯ В БЕССАРАБІЇ (1918 р.) ТА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ЦИХ ПОДІЙ В ІСТОРИОГРАФІЇ ТА МЕМУАРАХ РУМУНСЬКИХ ДІЯЧІВ

© Назарія С., 2014

Прихід до влади більшовиків у Росії викликав зрозумілі побоювання західних еліт. Правителі королівської Румунії усвідомлювали, що декрети “Про мир” та “Про землю”, прийняті Другим Всеросійським з’їздом Рад 25–26 жовтня 1917 р., викличуть хвилю революційних виступів російських солдатів, які на той час перебували в складі союзних військ на території Румунського королівства, а також матимуть певний вплив на румунських робітників та селян. Але в російських революційних подіях румунська олігархія угледіла й власну вигоду – можливість реалізації “проекту Великої Румунії”. До того ж після захоплення Бессарабії від Бухареста вимагалось надати анексії принаймні позірну видимість легітимності з позицій міжнародного права.

Ключові слова: інтервенція, окупація, міжнародне право початку ХХ ст., міжнародні відносини та міждержавні угоди періоду Першої світової війни.

С. Назарія

РУМЫНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В БЕССАРАБИИ (1918 г.) И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ И МЕМУАРАХ РУМЫНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Приход к власти большевиков в России вызвал обоснованную тревогу западных элит. Правители королевской Румынии понимали, что декреты “О мире” и “О земле”, принятые Вторым Всероссийским Съездом Советов 25 – 26 октября 1917 г., вызовут волну революционных выступлений русских солдат, находившихся на территории Румынского королевства в составе союзнических сил, и окажут известное влияние на румынских рабочих и крестьян. Но в российских революционных событиях румынская олигархия усмотрела и свои выгоды – возможность реализации “проекта Великой Румынии”. Однако с захватом Бессарабии Бухаресту понадобилось придать аннексии края хотя бы некоторую видимость законности с точки зрения международного права.

Ключевые слова: интервенция, оккупация, международное право начала ХХ в., международные отношения и межгосударственные договоренности периода Первой мировой войны.

S. Nazaria

ROMANIAN-SOVIET INTERVENTION AND INTERPRETATION OF THESE EVENTS IN THE HISTORIOGRAPHY AND MEMOIRS OF ROMANIAN POLITICIANS

Rising to power of the Bolsheviks in Russia caused both fear and hatred in circles of Western elites. Governors of royal Romania were afraid that decrees “On the World” and “On the ground” will cause a new wave of revolutionary action of Russian soldiers and will have an impact on

Romanian workers and peasants. But the Romanian oligarchy saw also the benefits in the Russian revolutionary events, like: the ability to implement the “project of the Great Romania”. However, capturing Bessarabia the heaviest began for Romania: it was necessary to give though a semblance of legality to annexation edge in terms of international law.

Key words: intervention, capture/occupation, annexation, diplomat, allies, agreement.

Победа Октябрьской революции в России вызвала резкое неприятие правящих кругов обеих враждующих коалиций и всего капиталистического мира в целом.

Вот как молдавский историк И. Левит оценивает данную ситуацию относительно румынских правящих кругов: “Как и руководители других буржуазных стран, правители королевской Румынии были потрясены известиями о приходе к власти в России большевиков. Они не без основания опасались, что декреты II Всероссийского съезда Советов о мире и земле вызовут новую волну революционных выступлений русских солдат и окажут влияние и на румынских рабочих и крестьян”.

По сути идентичны и выводы американского историка К. Хиткинса: “Возможные последствия революции для румынских солдат и крестьян вызвали реальное беспокойство в правительственных кругах. Многие политики боялись быстрого распространения эпидемии из России за Прут, но появилась новая опасность. В конце лета 1917 года российские революционные события грозили дезорганизацией фронта и подрывом социальной и политической стабильности в Молдове. В то время как уставшие от войны русские солдаты всё более радикализировались, поддаваясь обещаниям социально-экономической справедливости, король и Брэтиану боялись, что подобные идеи подорвут решимость румынских солдат-крестьян воевать. Ноябрьская большевистская революция лишь углубила кризис”.

Однако в российских революционных событиях румынская олигархическая элита усмотрела и свои выгоды – возможность реализации “проекта Великой Румынии”. Вот что по этому поводу писал в своих послевоенных мемуарах тогдашний румынский министр И. Г. Дука: “Разложение русского фронта не пугает меня, наоборот – радует. Когда Россия рухнет, мы сможем быстро захватить Бессарабию, а с Россией или без неё, в конечном итоге победу одержат Союзники, в конце войны мы захватим также и Трансильванию, и таким образом из этих сражений и из этих потрясений родится то, что мы остерегались узреть даже в самых смелых своих снах: объединение всех румын от Днестра и до Тисы”.

Правящие круги Антанты нашли союзника в лице российской контрреволюции и правящих элит соседних с революционной Россией стран, включая Румынию. 23 декабря 1917 г. была заключена тайная англо-французская конвенция “о районах будущих операций британских и французских войск на территории России”. Это был раздел России на зоны влияния. В английскую зону вошли Кавказ и казачьи области рек Кубань и Дон, во французскую – Украина, Бессарабия, Крым. Однако ещё 8 ноября (1917 г. – С.Н.) английский кабинет на своём экстренном заседании обсуждал вопрос о возможности выступления румынской армии против большевиков во взаимодействии с мятежным казачьим атаманом А. М. Калединым.

Румынский посол в Англии подтвердил готовность своего правительства выступить совместно с Калединым против Советской власти. В тот же день советник президента США В. Вильсона по международным вопросам полковник Е. Хауз на совещании с английским премьер-министром Д. Лл. Джорджем и министром иностранных дел Его Величества А. Бальфуром рекомендовал “посоветовать Румынии сотрудничать с любыми союзными сражающимися силами, территориально наиболее близкими к России”.

10 ноября 1917 г. президент Вильсон лично поощрил Румынию на антисоветскую борьбу, пообещав взамен поддержку её притязаний на Бессарабию на предстоящей мирной конференции. Правда, сделал он это в слишком общей форме, что разочаровало румынского премьера И. Брэтиану, жаждавшего полной определенности в вопросе территориального приращения Румынии за счёт Бессарабии. Так, “в ноте, отправленной 28 ноября в Яссы, пообещал, что приложит всё своё влияние в поддержку Румынии в качестве свободной и независимой нации”.

Идею совместной с генералом А. М. Калединым борьбы королевской Румынии против большевиков поддержало и французское правительство Ж. Клемансо. Оно официально одобрило предложение румынского посла в Париже использовать находившихся на территории России трансильванских военнопленных для борьбы с Советской властью. Естественно, что без согласия западных союзников правящее румынское королевское правительство никогда бы не решилось на оккупацию Бессарабии.

Однако не следует забывать, что положение премьера И. Брэтиану было довольно сложным в связи с фактическим выходом России из войны, в то время как Румыния по договору 1916 г. с Антантой обязана была сражаться против германского блока “до конца”. “Но страх полного поражения и оккупации противником всей территории страны в случае дальнейшего разложения русской армии и ухода её с занимаемых позиций на фронте вызвал у румынских правящих кругов очередной прилив желания заключить сепаратный мир с немцами и их союзниками”.

А тем временем под влиянием Декрета о мире российские военные, не дожидаясь официального окончания войны, на своих участках фронта вели переговоры с противником о перемирии. 17/30 ноября генерал А. Авереску записал в дневнике: “Русские уже начали на многих участках фронта переговоры о перемирии, кое-где оно даже заключено”.

В этом контексте И. Дука отмечал, что “генерал Щербачёв (имеется ввиду командующий русским Румынским фронтом генерал Д. Г. Щербачёв. – С.Н.) сообщил Брэтиану, что более не владеет ситуацией и поставлен перед дилеммой или оставить командование, или самому предложить перемирие”. Боясь дальнейшей радикализации русской армии, И. Дука писал: “В этих условиях продолжать отказываться от подписания перемирия означало бы иметь через несколько дней на территории нашей страны русскую анархию и наступление немцев, т.е., полный и окончательный разгром. Наоборот, подписание перемирия означало выиграть время и дать возможность Щербачёву сохранить командование и рассчитывать со временем или на создание единого фронта с украинцами и А. М. Калединым, или на политические изменения внутри России”.

При этом румынские правители делали вид, что они “до конца” выполнили свой долг перед Антантой и даже “спасли” её от разгрома, поэтому после поражения Германии, союзники просто “обязаны” выполнить все данные ими Румынии при ее вступлении в мировую войну (1916 г.) обещания. Подобный тезис совершенно откровенно озвучивался Яским правительством и в те дни, и впоследствии – в мемуарах румынских деятелей. И. Левит пришёл к выводу, “что поспешность, с которой румынское правительство добивалось перемирия с австро-германским блоком, объяснялась и расчётом на то, что в создавшейся ситуации удастся присоединить Бессарабию к Румынии”.

Этот вывод подтверждает и И. Дука: “Во время Бухарестских мирных переговоров было завершено и объединение Бессарабии. Говорю завершилось, так как, когда разваливалась Россия, объединение стало виртуально достижимо”. Он также писал, что Бессарабия была тем “минимумом”, на который рассчитывали в тот момент румынские правящие круги.

На заседании правительства И. Брэтиану доложил присутствующим “о требовании Щербачёва и союзников вступить в борьбу с большевиками и добавил: союзные (по Антанте. – С.Н.) послы заявили, что это будет самой большой услугой, которую мы сможем в данный момент оказать делу Союзников, стремящихся воссоздать румыно-украинский фронт (очевидно, против петроградского правительства. – С.Н.). Брэтиану добавил затем, что готов принять это предложение, но с чётким условием, что оно станет последней услугой, которую Румыния в состоянии оказать Союзникам. После этого он, Брэтиану, освободится от всяких обязательств перед Союзниками, которые не должны отказать ему в праве подписать сепаратный мир”, – сообщал И. Г. Дука.

В сложившихся обстоятельствах в проведении военной операции по захвату Восточной Молдовы реальную помощь Румынии оказали и Центральные державы. Прекратив боевые действия на Румынском фронте, немцы и австрийцы позволили румынам снять часть войск с передовой и направить их в Бессарабию. По “горячим следам” об этом писал ещё французский журналист Клод Ане: “Румыния договорилась с Центральными державами и получила их молчаливое согласие на захват Бессарабии”.

26 ноября (9 декабря) 1917 г. командующий русским Румынским фронтом генерал Д. Г. Щербачёв и румынский генерал А. Лупеску подписали в г. Фокшаны от имени Румынии перемирие с командованием австро-германских войск. Это высвободило румынские войска и позволило им 4–9 (17–22) декабря разоружить часть российских большевизированных частей, физически устранив при этом советского военного комиссара фронта С. Г. Рошаля.

7/20 декабря по итогам совещания со своими министрами и военными, а также с французским, английским, американским и итальянским посланниками, И. Брэтиану сообщил, что союзники требуют от румынской армии активного включения в борьбу с большевиками. В свою очередь, премьер добивался, чтобы союзные державы санкционировали заключение Румынией сепаратного мира с Германией и её союзниками при сохранении в силе основных статей её договора 1916 г. с Антантой.

Напомним, что соглашение 1916 г. “резервировало” за Румынией в случае ожидаемой победы Антанты значительные территории, входившие к началу мировой войны в состав Австро-Венгрии, в частности спорные с Венгрией Трансильванию и с Украиной – Буковину и Марамарош.

Решение румынского правительства о начале военных действий против большевистских сил было принято и в ночь на 9 декабря утверждено королём. В 6 часов утра румынские войска, при поддержке донских казаков и украинских гайдамаков, нанесли удар по мелкому большевистскому гарнизону в Соколе близ Ясс и ликвидировали его. М. Джувара, впоследствии ставший видным румынским дипломатом, писал об этих событиях: “В ответ на просьбу представителей Антанты, которые письменно заявили, что эта операция явится последним военным вкладом, который они вправе ждать от Румынии, румынская армия открыто включилась в военные действия против большевистских войск, занимавших тогда всю территорию Молдовы и Бессарабии”.

Получив известия об аресте Военно-революционного комитета Румынского фронта и об убийстве С. Рошаля, о захвате румынами Леова и ряда бессарабских сёл на Левобережье Прута и о расстреле членов Леовского ревкома, НКВД РСФСР 16/29 декабря 1917 г. обратился к румынскому правительству через его посла в Петрограде К. Диаманди с нотой протеста.

Однако удовлетворительного ответа на неё не последовало и тогда Советское правительство 31 декабря предъявило по радио ультиматум Румынскому правительству прекратить подобные действия, наказать виновных и предупредило, что “неполучение ответа на это наше требование в течение 24 часов будет рассматриваться нами как новый разрыв, и мы будем тогда принимать военные меры, вплоть до самых решительных”.

Так как и после этого ничего не изменилось, по указанию В. И. Ленина, 31 декабря 1917 г. / 13 января 1918 г. весь состав дипломатической и военной миссии Румынии во главе с К. Диаманди был взят под стражу и заключён в Петропавловскую крепость. В Одессе были взяты под стражу румынский консул и персонал консульства. 1/14 января 1918 г. дуайен дипломатического корпуса в Петрограде посол США Д. Р. Фрэнсис в сопровождении группы дипломатов посетил Председателя Совнаркома Ленина, сделал ему заявление по поводу ареста румынского посланника и вручил меморандум за подписью дипломатов 20 стран.

Считаем, что недружественные действия Советского правительства по отношению к дипломату неприятельского государства не могут быть никоим образом оправданы. Похоже, понимал это и глава Совнаркома, имевший высшее юридическое образование и значительный политический опыт. Насильственные действия против главы румынской миссии были прекращены.

Реагируя на бессарабские события, советское руководство в Петрограде и на местах, похоже, действовало импульсивно, так сказать, про запас. Сколь-нибудь определенных планов относительно будущего заднепровских территорий СНК не имел. Дело в том, что на бессарабские территории в это же время претендовало и правительство Украины.

Впрочем, и для него территориальные разграничения в Бессарабии не представляли собой срочной проблемы, а прямое присоединение всей Бессарабии не озвучивалось как приоритетная задача для молодой украинской государственности. В предварительных условиях договора с Советской Россией, утвержденных правительством Украинской народной республики 14 февраля

1918 г., отмечалось, что вопрос о Бессарабии УНР “решит на основании самоопределения наций по соглашению с Румынией и Бессарабией” после вывода с территории последней российских войск.

Тем не менее, ленинский СНК инспирировал разрыв дипломатических отношений с Румынским королевством. Последовавшие после ареста демарши дипломатических миссий стран Запада позволили добиться освобождения К. Даманди, вскоре выдворенного из России. В день оккупации Кишинева румынскими войсками по инициативе СНК произошел официальный разрыв дипломатических отношений еще недавно союзных государств, хотя война Румынии не была объявлена. Разрыв оказался весьма болезненным для Бухареста из-за того, что румынский золотой фонд, перевезенный на хранение в Москву в 1916–1917 гг. в разгар немецкого наступления на Румынском фронте, был объявлен “неприкосновенным для румынской олигархии”.

Правительство Румынии, чувствуя поддержку Антанты и Центральных держав, 4/17 января приняло решение начать необъявленную войну с Россией, и уже через три дня румынские войска перешли р. Прут.

Впрочем, сами Союзники пытались скрыть истинные цели этой акции. Так, французский посланник в Яссах Сент-Олер 5/18 января телеграфировал консулу в Кишинёве Сарре: “Все мои коллеги, все посланники других союзных держав и я сам уполномочены заявить Вам официально, что вступление румынских войск в Бессарабию является чисто военной мерой. По этой причине вступление румынских войск в Бессарабию не может оказать влияния на будущую судьбу этой страны”.

Считаем, что эти слова должны были ввести в заблуждение молдавскую общественность и население края, выступавшие почти единогласно против вторжения на территорию Бессарабии румынских войск и за сохранение Молдовы в составе России. Не будем также забывать, что перепись 1897 г. показала всего лишь 47 % молдавского сегмента населения из общего количества бессарабцев (позже, на Версальской конференции Бухарест голословно утверждал, что оно составляет 72 %). В любом случае, можем предположить, что поддержка румынской акции местным населением была далеко не всеобщей.

Но заявление Сарре, вопреки всей своей категоричности, служило словесным прикрытием румынской интервенции против Советской России, а Бессарабию Антанта рассматривала в качестве “платы” румынской олигархии за борьбу с большевизмом.

Впрочем, международное право начала XX века четко разграничивало понятия военной оккупации и присоединения той или иной государственной территории. Переход титула мог состояться лишь в случае согласия предыдущего собственника, в данном случае – России. В частности требовалось подписание соответствующего договора о цессии (уступке) части государственной территории. Румынская оккупация тем самым не изменяла государственный статус оккупированной Бессарабии, но создавала определенные предпосылки для такого изменения в обозримом будущем.

10/23 января ЦИК Румчерода сделал официальное заявление французскому, английскому и румынскому консульствам в Одессе, в котором квалифицировал действия королевского правительства как “вероломное нарушение международного права” и просил дипломатов “предпринять шаги к тому, чтобы румынское правительство вывело немедленно свои войска из пределов Российской федеративной республики”. На следующий день была обнародована нота протеста ЦИК Румчерода правительству Румынии. Ответ консулов сводился к идее, что “ничего серьезного не произошло”.

Идя на антисоветскую интервенцию, румыны оголяли фронт против австро-германских войск, однако командование последних во главе с фельдмаршалом А. Макензеном заверило их, что вверенные ему армии не предпримут наступления на фронте. При этом немцы, для скорейшего достижения своих целей, использовали политику “кнута и пряника”: с одной стороны, предлагали румынам Бессарабию в обмен на скорейшее подписание выгодного им сепаратного мира, включая уступку Добруджи, с другой, – шантажировали их снятием дивизий с фронта и направлением их в Бессарабию в нарушение условий Фокшанского перемирия.

14/27 февраля 1918 г. в ходе переговоров Румынии с австро-германским блоком немцы “неофициально заверили” румын в тождестве их позиций в отношении Советской власти: “Русская анархия привела к созданию своего рода братства. Вы боретесь против большевизма в Бессарабии; мы вступили на Украину с той же целью”. Во время тех же переговоров с немцами, пытаясь добиться более выгодных условий мира, новый румынский премьер А. Авереску заявил германскому министру иностранных дел Р. фон Кюльману, что “...вообще Бессарабия заражена большевизмом, и присоединять её к королевству опасно”. На это фон Кюльман цинично ответил: “Вам достаточно расстрелять каждого десятого и восстановить порядок”.

Впрочем, правящая клика Румынии, “умиротворяя” Бессарабию, и без немецких советов следовала именно по данному пути.

Согласно подписанному Румынией с Центральными державами в Буффе 5/18 марта 1918 г. прелиминарному мирному договору, численность румынской армии серьёзно ограничивалась, в то время как в Бессарабии румынскому правительству была предоставлена полная свобода действий и численность его войск и вооружения здесь не лимитировались.

Вот как оценивает данную ситуацию У. ван Мёрс: “Кроме отказа от Южной Добруджи и некоторых незначительных территорий на западной границе, Румынии навязывалась демобилизация армии. Но всё же мирный договор в Буффе включал (секретное. – С.Н.) соглашение об аннексии Бессарабии. Немцы дали добро на аннексию Бессарабии, в обмен на право переброски собственных войск через Бессарабию для оккупации Украины”. Ниже автор отмечает, что “румынское владычество над Бессарабией было обеспечено в первую очередь, немецкой оккупацией Украины” и тем фактом, что “Красная Армия находилась на расстоянии в 1000 км от Кишинёва, а новое румынское правительство получило одобрение Берлина на аннексию Бессарабии”.

Академик А. Лазарев считал, что, “заключив прелиминарный договор с Центральными державами, Румыния получила возможность не только нарушить советско-румынское соглашение от 5–9 марта 1918 г. об эвакуации румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев, но и закрепиться в оккупированном крае, а также участвовать вместе с австро-германскими, а затем с французскими войсками в военных действиях против Советской власти на территории Левобережной Молдавии и юга Украины”. Американский историк Ш. Д. Спектор приходит к идентичному выводу по данному вопросу, отмечая, что, по Бухарестскому миру, “судьба Бессарабии не упоминалась, однако было получено добро на захват провинции”.

Западные страны стремились представить румынское вторжение как “вынужденное” и “гарантировали” его временный характер. Так, 21 февраля 1918 г., от имени дипломатических представителей держав Согласия, дуайен дипломатического корпуса при румынском правительстве барон Фашиотти отправил официальную ноту всем союзным консулам и представителям в Одессе, оригинал которой был передан советским властям. В ней отмечалось: “Что касается Бессарабии, то вы помните, что вмешательство румынских войск является военной оккупацией безо всякого политического характера, предпринятой в полном согласии с Союзниками и бессарабскими властями с очевидной гуманитарной целью обеспечить продовольствие русских и румынских войск, а также и гражданского населения”.

Т.е., страны Антанты официально обещали эвакуировать румынские войска из Бессарабии, подразумевая её российской территорией. Как нам представляется, здесь скорее речь идет о дипломатической игре. Румыния, потерпевшая военное поражение в столкновении с австро-немецким блоком, стремительно двигалась к подписанию Бухарестского мира (май 1918 г.) и выхода из мировой войны. С другой стороны, лидеры Антанты имели определенные расчеты на российское Белое движение и оставили для себя возможность маневра.

Не спешили с однозначным обозначением своей позиции и румынские военные круги. 12/25 января 1918 г., за день до вступления румынской армии в Кишинёв, её командующий генерал Презан заявил в воззвании к населению Бессарабии, что румынские войска вступили в край по приглашению Сфатул Цэрий в целях охраны оружейных и продовольственных складов и обеспечения заготовки и перевозки провианта для снабжения русских и румынских войск

Румынского фронта. Он лицемерно опровергал слухи о том, будто Румыния хочет оккупировать Бессарабию.

Вслед за разрывом дипломатических отношений с Румынией, СНК РСФСР констатировал “состояние войны” между двумя государствами, утверждая, что “румынская олигархия открыла военные действия против Российской Республики”, но не объявив войну официально.

В постановлении Румчерода от 23 января / 5 февраля 1918 г. говорится: “Ввиду того, что румыны обманым образом попали в Россию, оккупировали Бессарабию, разграбив в ней сёла и города, ввиду того, что Совет Народных Комиссаров, исчерпав все возможные средства, прервал всякие сношения с Румынией, ЦИК Румчерода постановил считать себя на положении войны с Румынией”. 11/24 февраля Румчерод потребовал у румынской стороны немедленной эвакуации её войск с территории между Прутом и Днестром, но получил отказ на это требование.

Правительство Ленина не признало румынскую оккупацию Бессарабии и вновь потребовало эвакуации румынских войск. Дело в том, что в январе–феврале 1918 г. был разгромлен атаман А.М. Каледин. Это серьёзно улучшило положение Советской республики, войска которой вышли к Днестру.

Бухарест, наоборот, пребывал в некоторой неопределенности. Речь идет о усилившемся дипломатическом давлении немцев на правительство И. Брэтиану, при том, что Союзные государства (Антанта), поддерживая антисоветские действия румынской олигархии, согласия на заключение сепаратного румынско-немецкого мира не давали. Более того, 20 января (2 февраля) 1918 г. посланники стран Антанты вручили румынскому премьеру коллективное письмо, в котором отвергали идею сепаратного мира: “Наши правительства подтвердили свою уверенность в том, что Румыния будет продолжать борьбу с той же энергией, как и в прошлом, и не отделит своей судьбы от судьбы Союзников”, – подчёркивалось в этой ноте.

Понимая, что согласия Союзников на сепаратный мир с австро-германским блоком получить будет сложно, И. Брэтиану и Таке Ионеску решили уйти в отставку, передав бразды правления и “честь” подписания унизительного (Румыния уступала в пользу Австро-Венгрии сотни кв. км своей довоенной территории) сепаратного мира германофилу А. Маргилomanу.

23 января (5 февраля) 1918 г. новое правительство сформировал генерал А. Авереску. В его задачу входило затянуть переговоры с немцами и создать у Антанты впечатление в “неизбежности” заключения Румынией сепаратного мира. Но и он этого не добился.

5/18 февраля состоялась встреча А. Авереску с А. Макензеном, в ходе которой немцы выдвинули румынам следующее “выгодное обеим сторонам” условие: “Вся румынская армия получает свободу рук для военных действий против большевиков, соответственно против петроградского (перенос столиц состоялся 11 марта 1918 г. – С.Н.) правительства, до тех пор, пока последнее не подпишет мира с Центральными державами и Румынией”. Фельдмаршал заверил премьера, что Румыния сможет сохранить “армию в состоянии мобилизации и использовать её в Бессарабии для борьбы с большевиками. Не исключено, – писал Авереску, – что нам будет оказана помощь путём взаимодействия в России”.

В этот же день возобновилось немецкое наступление на Восточном фронте и, развиваясь всё шире, поставило Российскую республику в тяжелейшее положение. Воспользовавшись этим, румыны форсировали Днестр в районе Рыбницы, развернули наступление в направлении Воронково, однако были наголову разгромлены. Выход революционных красных войск к Днестру, продолжение сопротивления бессарабцев оккупации края, немецкое давление и отказ союзников разрешить заключение сепаратного мира – все эти факторы привели к тому, что первоначально игнорировавшее советские протесты румынское правительство обеспокоилось и повело себя в отношении РСФСР несколько иначе.

По инициативе В. И. Ленина СНК образовал и направил в Одессу т.н. Высшую автономную коллегию по русско-румынским делам, которой было поручено ведение всех дел, касающихся взаимоотношений России с Румынией. В результате переговоров между представителем Советского правительства Х. Раковским и главой румынского правительства А. Авереску при посредничестве представителей западных союзников, – французского эmissара Аркье и канадского

полковника Д. Бойля, – 5– 9 марта 1918 г. было подписано советско-румынское соглашение, в котором указывалось: “Румыния обязуется покинуть Бессарабию в течение 2 месяцев. В Бессарабии остаётся отряд в 10.000 человек для охраны румынских складов и железных дорог. Сразу после подписания соглашения охрана порядка в Бессарабии переходит в руки местной городской и сельской милиции”.

23 февраля / 8 марта румынская сторона заявила, что “считает с сегодняшнего дня конфликт улаженным”.

Даже стоящий на крайних унионистских позициях молдавский академик И. М. Опря (правда, противореча себе же на той же странице) признаёт, что “в результате данного обмена нотами обе стороны посчитали конфликт исчерпанным”. По мнению этого историка, в феврале 1918 г. Авереску принял требования об очищении Бессарабии “за исключением условия, предусматривающего немедленное освобождение Бендер”. Здесь же автор отмечает, что соглашение предполагало необходимость освобождения всех арестованных в России румын и всех россиян, арестованных в Румынии.

Исчерпанным считали конфликт и советские представители. 26 февраля / 11 марта они телеграфировали об этом в Совнарком. 21 марта генеральный консул Румынии в Москве Н. Г. Герен повторно информировал Наркоминдел РСФСР о ликвидации “возникшего между румынским правительством и советской властью конфликта”. Всё это свидетельствовало о признании и одобрении достигнутой договорённости, о том, что как у главы румынского правительства А. Авереску, так и у дипломатов Антанты, его законность и необходимость выполнения не вызывали никаких сомнений.

Вследствие ухудшения военного положения Российской Советской Республики, вызванного германским наступлением по всему фронту, румынские правящие круги проигнорировали выполнение взятых на себя обязательств. Однако, отмечает американец Ш. Д. Спектор: “Румыния и не собиралась выполнить свои обязательства (по “конвенции Раковский – Авереску” – С.Н.), тем более, что менее, чем через месяц, появилась возможность формального присоединения Бессарабии. Данная возможность была предоставлена оккупировавшими Украину немцами и отступлением большевиков”.

Согласен с его взглядами и румынский академик И. М. Опря, признавший, что начатое немцами наступление на Украине стало основной причиной невыполнения румынской стороной взятых на себя обязательств.

Но, с точки зрения международного права, государство, принявшее на себя международное обязательство, не может отказаться от его выполнения, за исключением т.н. коренного изменения обстоятельств (оговорка *rebus sic stantibus*). Ничего подобного весной 1918 г. не происходило.

Подписание рассматриваемого документа означало официальное признание румынским правительством незаконного характера оккупации Молдавской Республики. Именно за признание этого – де-факто и де-юре – И. Дука подверг критике А. Авереску: “Можно себе представить, какой аргумент он дал большевикам против нас, ибо мы сами официально подтвердили в официальном акте, что оккупация Бессарабии явилась незаконной. Задаю себе вопрос и сегодня, как стало возможным, чтобы генерал Авереску подписал подобный документ. Истинно и то, что эта несчастная ошибка является единственным актом, который Россия может предъявить нам в бессарабском вопросе, и я опасюсь, что в один прекрасный день это создаст нам серьёзные проблемы”.

Летом 1918 г. тогдашний румынский министр иностранных дел К. Арион с трибуны парламента резко критиковал А. Авереску за то, что тот “заключил мир с Раковским и с Россией на условии очищения Бессарабии”. Пытаясь доказать необоснованность этого шага, он самоуверенно утверждал, что “Россия не возродится снова”, а следовательно, подписывать с ней дипломатические документы не имело смысла. На это А. Авереску ответил: “Россия больна, без сомнения, она очень больна, но Россия не исчезла, и она выздоровеет. Нам, маленькой державе, не пристало пользоваться этим состоянием паралича, в котором находится сосед”.

Однако в наши дни в румынской историографии господствуют абсолютно другие интерпретации данного документа: будто бы в нём, чётко и без всяких оговорок, не предусмотрен отвод румынских войск и присутствуют какие-то тезисы с “двойным пониманием”. Так, Ф. Константиу пишет об этом соглашении, что только “советская сторона интерпретировала его в качестве обязательства вывода румынских войск из Бессарабии”. И. Опря утверждает, что договорённость от 5–9 марта “не обязывала румынского премьер-министра к эвакуации своих войск из Бессарабии”. А молдавский историк Л. Пэдурак считает, что “указанное „соглашение” не имело юридической силы”. Почему “не имело”, она не поясняет.

Правда, другой известный историк, Г. Брэтиану, более близкий по времени к описываемым событиям, ещё в 1943 г. писал по этому поводу: “Было даже заключено соглашение, по которому румынским войскам следовало срочно покинуть Бессарабию (немедленное оставление Бендер–Тигины отвергалось), за исключением охраны железных дорог и румынских складов, и не допускалось никакое вмешательство во внутреннюю политику страны. Данное, чисто техническое, соглашение не имело никакого политического характера: Румыния не стремилась влиять на дела Молдавской республики и ограничивалась защитой своих военных интересов”.

Таким образом, он признаёт, что суть договора между Авереску и Раковским состояла в обязанности Румынии очистить Бессарабию от своих войск, и то, что данное соглашение подтверждало тот факт, что Румыния не обладала никакими правами на наш край и он никак не принадлежал ей. В этом смысле Брэтиану против своей воли признаёт именно политический характер “соглашения Авереску–Раковский”. А тезис о румынских “исторических и этнических правах” на Бессарабию, о её якобы “румынском характере” появился позже и имел целью “узаконить” аннексию Пруто-Днестровского междуречья бухарестской полуфеодальной олигархией.

Объективные оценки описываемых нами событий принадлежали ряду западных историков. Американец Л. Фишер писал, что, “захватив Бессарабию, которая являлась русской территорией, румынское правительство совершило военный акт. Большевики отомстили, разорвав 13 января 1918 г. отношения с Румынией и арестовав румынского посланника Диаманди в Петрограде”. Тот же автор отмечает, что Россия “не признала румынского суверенитета в отношении Бессарабии, захваченной Румынией в январе 1918 г., когда большевистская Россия была слабой”.

Болгарский профессор Г. Генов отмечал в 1940 г., что Первая мировая война “завершилась неблагоприятно не только для побеждённых, но и для России. Румыны воспользовались этим обстоятельством и захватили всю Бессарабию, хотя накануне вступления Румынии в войну два соседних государства взаимно гарантировали свою территориальную целостность. Бессарабское население стремилось в 1917 г. к созданию независимого государства, однако Румыния проигнорировала это и путём насилия аннексировала Бессарабию”.

Француз Ф. Фейто в том же духе утверждал, что “румыны захватили Бессарабию и Буковину, являвшиеся русскими землями”. Его соотечественник М. Ваисс придерживается мнения, что в 1918 г. Румыния оторвала Бессарабию от России. Позиция немца (румынского происхождения) А. Зуги также не отличается от вышеприведённых: “Военные акции в Бессарабии со стороны Румынии можно рассматривать как противоречащие международному праву, поскольку румынские войска вторглись на территорию другого государства без объявления войны. Разрыв дипломатических отношений с Румынией со стороны России правомерен с точки зрения международного права”.

И в заключение следует отметить, что в румынской националистической историографии тенденция к реалистическому освещению и анализу действительности присутствует лишь очень относительно, зато господствует стремление к отражению событий с “патриотических” позиций. Данная констатация относится в первую очередь к историографии именно бессарабского вопроса. “В контексте написания румынской истории “объективность” понимается как „соответствие румынским национальным интересам”, а это означает, что мои выводы могут разочаровать румынских читателей”, – сетует голландец ван Мёрс.

Даже румынские дипломаты, историки и мемуаристы межвоенного времени писали намного объективнее и правдивее современных авторов.

Выводы. Румынская военная акция 1918 г. не может быть обоснована никакими соображениями, кроме чисто военных. Признавая всецело право населения Бессарабии (сегодня в пределах бывшего территориального образования пребывают районы с преимущественно молдавским, равно как и не-молдавским (Юг Украины) населением) на самоопределение, констатируем произвольность и противоправность – в понимании действия норм международного права начала XX в. – начала действий румынских правительств, аннексировавших край в конкретно-исторических условиях завершения Первой мировой войны.

1. Левит И. Э. Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). – Кишинев, 2000. – С. 77 – 78.
2. Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Todor P. *Istoria României*. Buc. – 1998. – P. 418.
3. Duca I. G. *Memorii*. Vol. III. *Războiul (1916–1917). Partea I*. Buc. – 1994. – P. 273.
4. См.: *Архив полковника Хауза*. – 1939. – Т. III. М. – С. 169.
5. 1918 la Români. *Documente externe*. – 1983. – Vol. II. Buc. – P. 103.
6. Averescu A. *Notițe zilnice din război*. Vol II. 1916–1918 (*Războiul nostru*). Buc. – 1992. – P. 245.
7. Duca I. G. *Amintiri politice*. Vol. III. P. 13; Duca I. G. *Memorii*. – Vol. IV. *Războiul (1917–1919)*. – P. 18.
8. Duca I. G. *Memorii*. Vol. IV. *Războiul (1917–1919)*. – P. 13–14; Kirițescu C. I. *Istoria războiului pentru întregirea României. 1916–1919. Volumul II*. Buc. – 1989. – P. 311–323.
9. Левит И. Э. Молдавская республика. – Кишинев, 2000. – С. 91.
10. Duca I. G. *Amintiri politice*. – Vol. III. – P. 33, 34; Duca I. G. *Memorii*. – Vol. IV. *Războiul (1917–1919)*. – P. 43.
11. Duca I. G. *Memorii*. Vol. IV. *Războiul (1917–1919)*. – P. 46–52.
12. Цит. по: Левит И. Э. Молдавская республика. – С. 132.
13. См.: *Документы внешней политики СССР (далее: ДВП СССР)*. – Т. I. – М., 1957. – С. 66–67, 79; *Relațiile româno-sovietice. Documente*. – Vol. I. Buc., 1999. – P. 9–10; *Советско-румынские отношения 1917–1941: Документы и материалы: в 2-х т. – Т. 1: 1917–1934*. М., 2000. – С. 12–13.
14. См.: Ленин В. И. *Полн. собр. соч.* – Т. 50. – С. 23; *Relațiile româno-sovietice. Documente*. – Vol. I. – P. 10–11; *За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920): Сб. док. и матер.* Кишинев, 1970. – С. 19; Лазарев А. М. *Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос*. Кишинев, 1974. – С. 87.
15. *Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Док. и матер.* – М., 1996. – С. 207.
16. *Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции: Сбор. докум. и матер.* – С. 59–62.
17. Левит И. Э. Молдавская республика. – С. 303.
18. Averescu A. *Notițe zilnice*. – P. 285–286; Duca I. G. *Amintiri politice*. Vol. III. P. 57.
19. Liveanu V. *Characterul antisovietic și antipopular al tratatului de la Buftea // Studii și materiale de istorie contemporană*. – V. I. – P. 37.
20. Averescu A. *Notițe zilnice*. – P. 291.
21. Spector Sh. D. *România la Conferința de pace de la Paris*. P. 48.
22. Oprea I. *România și Imperiul Rus*. P. 243.
23. Duca I. G. *Amintiri politice*. – Vol. III. – P. 75; Duca I. G. *Memorii*. – Vol. IV: *Războiul (1917–1919)*.
24. См.: Левит И. Э. Молдавская республика. – С. 335; Мельтюхов М. И. *Бессарабский вопрос между мировыми войнами*. – С. 51; Виноградов В. Н. *Румыния в годы Первой мировой войны*. – М., 1969. – С. 273.
25. Constantiniu Fl. *O istorie sinceră a poporului român*. București, 1997. – P. 289.
26. Oprea I. *România și Imperiul Rus. 1900–1924*. – Vol. I. – București, 1998. – P. 187.